

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**О.В. Шульгина,
Д.П. Шульгина**

Теоретические основы взаимодействия природы и общества, «экологии культуры» в творчестве Д.С. Лихачёва

В работе представлены теоретические аспекты взаимодействия природы и общества, концепция экологии культуры, изложенные в трудах Д.С. Лихачёва. Показана роль научно-просветительской деятельности Д.С. Лихачёва в развитии краеведения и охране культурного и природного наследия России. Приведены примеры негативных последствий нарушения принципов экологии культуры.

Ключевые слова: экология культуры; взаимодействие природы и общества; культурное и природное наследие; творчество Д.С. Лихачёва.

Есть творческие личности в истории нашей страны, деятельность которых не замыкается в узких рамках одного конкретного исследовательского направления, а оказывает огромное влияние на образ мышления, мировосприятие и даже стиль поведения всех, кто с ними соприкасается. Дмитрий Сергеевич Лихачёв, несомненно, относится к числу таких незаурядных личностей. Литературовед, историк, искусствовед, общественный деятель — вот неполный перечень направлений деятельности этого поистине великого человека. Его обширные, энциклопедические гуманитарные знания, высокая интеллигентность, проникновенная и неспешная речь — таким мы его помним по выступлениям, по встречам с телезрителями, которые не оставляли и не могут оставить равнодушными. Д.С. Лихачёв — не только крупнейший ученый, но и великий просветитель, очень деликатно и ненавязчиво пропагандировавший свои мысли «о добром» [3].

Его книга «Раздумья о России» [5], вышедшая в 1999 году, обращена к широкому кругу читателей. Специалисты в разных отраслях знаний найдут в ней много интересных мыслей и рассуждений, способных объяснить многие спорные вопросы российской истории и культуры, взаимодействия природы и общества, вдохновить на дальнейшие исследования. Рассуждения Д.С. Лихачёва — пример

классического междисциплинарного мышления. Поэтому его труды близки не только филологам, культурологам, философам, историкам, но и географам, и экологам.

Живое воображение, богатое пространственное мышление и способность в деталях представить действующих лиц, пейзаж происходивших в глубокой древности событий, оригинальный взгляд на природу и ее связь с человеком — все это очень важно для изучения исторической географии, экологии и даже классической географии.

В работах Д.С. Лихачёва образ российского пространства занимает значительное место. Этот образ трактуется очень поэтично, торжественно, с глубоким социальным и историческим смыслом. Невозможно пересказать слова великого мастера без потери изначального высокого смысла, его слова можно только цитировать. Приведу в качестве примера лишь несколько «зарисовок» образа российского пространства, представленных Д.С. Лихачёвым:

«Русская земля... была сравнительно слабо заселена. Население страдало от этой вынужденной разобщенности, селилось преимущественно по торговым путям — рекам, селилось деревнями, и все же не такими уж большими, боялось окружающей неизвестности. Враги приходили “из невести”, степь была “страной незнаемой”, западные соседи — “немцы”, то есть народы “немые”, говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стремились утвердить свое существование, подать знак о себе высокими строениями церквей как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегах озер, просто на холмах, чтобы их видно было издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам и маковкам церквей, к рассчитанным на широкие просторы “голосоведению”, к хорошему пению, к ярким краскам, контрастным зеленому цвету и выделяющимся на фоне белых снегов цветам народного искусства. Цветам, взятым из природы, согласующимся с ней, но и выделяющимся» [7: с. 13].

А вот необыкновенно трогательное историко-географическое описание Русского Севера: «В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха» [6: с. 570].

Характерным в восприятии российского пространства у Д.С. Лихачёва является целостность образа, в котором органично переплетаются природа, материальные объекты, духовность. Все это рассматривается во взаимосвязи, и даже выявляются определенные аналогии в развитии: «Русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур», «соседство через пространство типично не только для городов и сел, но и для русской культуры в целом» [7: с. 9].

Удивительна способность Д.С. Лихачёва ориентироваться в пространстве и хронологии, свободно представляя себя в различных эпохах с характерными

для них персонажами и природным окружением. Яркий пример тому — его непрезойденные комментарии к «Слову о полку Игореве» или рассказ в одной из телевизионных передач о Царскосельском лицее. Абсолютное ощущение присутствия его в том времени и именно в том пространстве!

Само понятие «пространство» трактуется у Д.С. Лихачёва не только как природное окружение, а как данность, неразрывная с русским характером. Он подчеркивает, что ощущение пространства для восприятия русского человека, а также в русском эпосе, в русской поэзии всегда ассоциируется с простором, волей. «Широкое пространство всегда владело сердцем русских... Русская лирическая протяжная песнь — в ней также есть тоска по простору. И поется она лучше всего вне дома, на воле, в поле... Русское понятие храбрости — это удаль, а удаль — это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте. Слово “удаль” очень трудно переводится на иностранные языки... Колокольный звон должен был быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольную новый колокол, нарочно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно. Быстрая езда — это тоже стремление к простору... Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека» [2: с. 509].

В статье «О русской природе» мы находим оригинальную трактовку сущности природы и отношения природы и человека, которое прослеживается автором на разных исторических этапах и находит подтверждение в русском эпосе. Д.С. Лихачёв писал: «У природы есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) — состояние природы противоестественное... В чем же выражается культура природы? Прежде всего, она живет обществом, сообществом... “Социальность” её ещё и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет её, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек...» [2: с. 505–506].

Д.С. Лихачёв приходит к выводу, что «отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему «социальна», общезначительна, обладает своими «правилами поведения». И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна, а развитие природы с ее многомиллионнолетним существованием — сравнительно недавно и не всюду под воздействием человеческой культуры. Одна (культура природы) может существовать без другой (человеческой), а другая (человеческая) не может» [2].

Эту мысль Д.С. Лихачёв подтверждает на примере исследования не только русской природы и русской культуры, но и на примере истории взаимодействия природы и общества в зарубежных странах. Он приходит к выводу о том,

что «пейзаж страны — это такой же элемент национальной культуры, как и все прочие. Не хранить родную природу — это то же, что не хранить родную культуру. Они — выражение души народа» [4: с. 147].

По-видимому, такое понимание сущности природы и истории человечества позволило Д.С. Лихачёву сформулировать и обосновать понятие «экология культуры». Когда в 1980-е годы термин «экология» получил широкое распространение и стал необычайно популярным, его трактовали исключительно в естественнонаучном понимании, как науку, которая занимается охраной и восстановлением естественной природы. Д.С. Лихачёв расширил значение этого термина и придал ему новое звучание. Он писал: «...экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим.

Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека» [8: с. 10–11]. Д.С. Лихачёв с явным сожалением говорил о том, что в науке об экологии нет раздела о культурной среде.

Таким образом, Д.С. Лихачёв выступил с инициативой, ставшей, безусловно, определенной вехой в формировании и изменении нашего сознания. Эта мысль об экологии культуры стала основой нового подхода не только к пониманию экологии, но и к новой трактовке краеведения, к новым подходам в деле охраны памятников истории и культуры.

Д.С. Лихачёв большое внимание уделял при этом воспитательному значению историко-культурного наследия, как фактору оздоровления нравственной среды человека. Он подчеркивал: «Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения» [8: с. 10–11].

Дмитрий Сергеевич Лихачёв был одним из инициаторов создания общества охраны памятников истории и культуры. И здесь он ратовал за нетрадиционный подход к сохранению историко-культурных ценностей. Он призывал не просто охранять, популяризировать и реставрировать сами памятники, но и заботиться об их естественном природном окружении. Д.С. Лихачёв отстаивал понимание того, что памятники, как и человек, не могут жить вне природы. И мы находим множество подтверждений тому, как памятники архитектуры, лишившиеся своего естественного природного и культурного

окружения, теряют ценность первоначального восприятия, становятся похожими на искусственные декорации и во многом утрачивают свое значение.

Здесь уместно привести примеры советского времени, когда в 1960-х годах закончилась пора гонений на церковную архитектуру и многие старинные церкви в Москве и областных городах стали реставрироваться и восстанавливаться. Однако эти восстановительные работы были обращены только на собственно старинные церковные сооружения (как правило, допетровского времени и периода классицизма), но не касались сохранения окружающей городской традиционной застройки. В результате появились примеры сохраненного церковного здания, зажатого современными бетонными коробками (как, например, в Москве на Новом Арбате), что исказило и восприятие, и содержание исторического памятника — он стал смотреться как своего рода пряничная игрушка в модерновых декорациях. А сколько у нас навсегда утраченных памятников архитектуры, и не только церквей [11].

Или еще более наглядный пример — старинная подмосковная усадьба Волинщина-Полужтово [10]. Эта усадьба принадлежала в XV веке Д.М. Боброку-Волинскому, в XVIII веке перешла к князю В.М. Долгорукову-Крымскому. При новом владельце здесь был отстроен величественный архитектурный ансамбль, авторами которого называют В.И. Баженова, М.Ф. Казакова, И.Е. Старова. Усадьбу окружал великолепный садово-парковый ансамбль с редкими породами растений, беседками, прудами, аллеями. Создателем парка был А.Т. Болотов — крупнейший специалист по ландшафтному строительству второй половины XVIII века.

Въезд на главную аллею усадьбы открывают два обелиска. Главный дворец с лоджией и шестиколонным портиком и флигели образовывали круглый парадный двор — редкое архитектурно-планировочное решение. В парке была сооружена двухъярусная церковь Трёх святителей (1780 г.) и княжеская усыпальница. Весь этот неповторимый дворцовый и садово-парковый ансамбль был талантливо «вписан» в природное окружение: на возвышении рельефа красовался дворец, в понижении — река Озерна огибала усадьбу с двух сторон. Эти два естественных склона являлись частью парка и розария: крутой склон назывался Красной горкой — спуск к реке по аллее из красных роз; пологий склон — Белая горка — спуск к реке по аллее из белых роз, завершавшийся беседками и прогулочной дорожкой по живописному берегу реки с величественным видом на дворец.

В усадьбе Волинщина в послереволюционный и в послевоенный период существовали детский дом и школа. При этом все постройки и парк новые владельцы старались бережно сохранять. Это активно поддерживалось расположенными недалеко подмосковными Домами творчества писателей и композиторов, которые являлись частыми гостями в этой усадьбе. Конечно, многое из первоначального состояния к тому времени было потеряно: частично зарос парк, утрачен розарий, церковь использовалась не по назначению, обветшали

фасады. Однако общий вид усадьбы сохранился и привлекал множество туристов.

Но все изменилось в 1970-е годы. Созданное в 1974 году Озернинское водохранилище затопило значительную часть парка. Вода подступила почти вплотную к главному дворцу, который, вместе со всеми усадебными постройками, потерял былое величие, лишившись доминантного и выигрышного положения в окружающем ландшафте. Подтопление нанесло значительный физический ущерб постройкам и зеленым насаждениям. В итоге оказался почти окончательно утраченным этот шедевр дворцово-паркового ансамбля, созданный великими мастерами XIX века. На рисунке 1 показаны схемы планировки усадебно-паркового ансамбля Волынщина-Полуэктово до и после создания водохранилища.

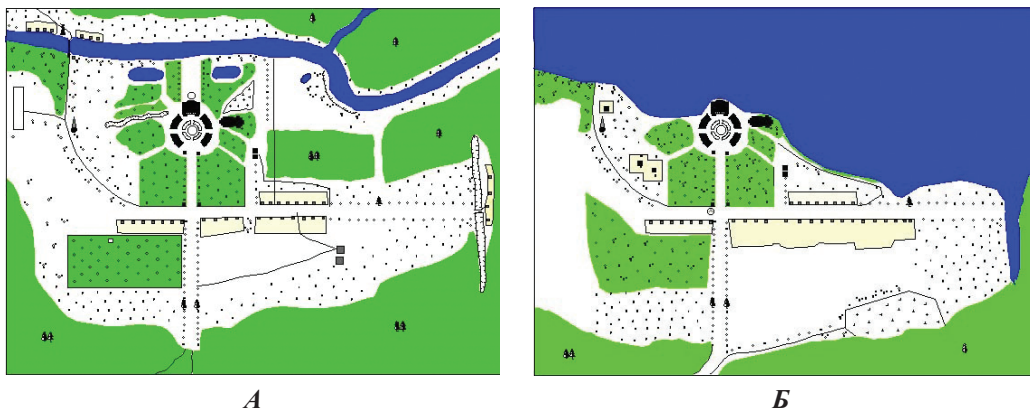

Рис. 1. Усадьба Волынщина-Полуэктово до создания Озернинского водохранилища (А) и после (Б).
Схематические планы О.В. Шульгиной

Д.С. Лихачёв как бы предвосхитил современную мировую практику сохранения памятников истории и культуры, в которой все большее значение отводится ландшафтному подходу. В рамках Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» введена особая категория объекта наследия — «культурный ландшафт», сочетающий в себе и природные, и культурно-исторические характеристики. Это может быть уникальный ландшафт, связанный с местами проживания малочисленных этнографических групп, или же ландшафт, который складывался в течение сотен лет под влиянием различных видов деятельности человека (виноградники в Португалии, табачные плантации на Кубе, угольные шахты во Франции и Бельгии и др.). Общим принципом в рамках ландшафтного подхода считается сохранение исторического объекта в его естественном природном и культурном окружении [1].

В контексте расширенного понимания экологии Д.С. Лихачёв с особой тревогой говорил о проблемах экологии культуры. Он считал, что между экологией природы и экологией культуры существует большое и весьма принципиальное

различие. Связано оно с тем, что «до известных пределов утраты в природе восстанавливаемы. Можно очистить загрязненные реки и моря, можно восстановить леса, поголовье животных, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений... Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно...»

Слова учёного остаются актуальными и в наше время. Так, первый в истории страны государственный доклад, посвященный проблемам состояния и сохранения культурного наследия, высветил многие негативные стороны в деле охраны памятников истории и культуры [9]. Продолжается утрата и прямое разрушение объектов культурного наследия. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х годов масштабы потерь составляли 100–200 памятников в год; в 2010-х годах эти показатели постепенно сокращались, но всё-таки остаются достаточно высокими: 60–80 объектов в год. Масштабы воздействия негативных факторов внешней среды на объекты культурного наследия были и остаются весьма значительными: 24 тысячи объектов, или каждый третий памятник архитектуры, истории и монументального искусства (из числа поставленных на государственный учёт) испытывает негативное воздействие естественных факторов; 16 тысяч объектов, или примерно каждый пятый, оказываются подверженными различным антропогенным воздействиям (агрессивная воздушная среда, техногенное подтопление, вибрация, «визуальное загрязнение», вандализм и т. д.). Из-за антропогенного вмешательства (распашка почвы, гидротехническое, промышленное, дорожное строительство и пр.) разрушаются более 30 тыс. памятников археологии.

По оценкам экспертов, в удовлетворительном состоянии находится всего от 30 до 50 % памятников истории и культуры, остальные нуждаются в реставрационных работах (при этом состояние примерно 10 % объектов культурного наследия оценивается как аварийное и руинированное).

Данная ситуация должна быть признана нетерпимой, не отвечающей интересам страны и не соответствующей задаче сохранения исторического наследия России и ее культурной роли в современном мире. Такие негативные явления в сфере формирования национального наследия требуют неотложных мер по их преодолению.

«“Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью... Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для “нравственной оседлости” людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной. А для этого нужны знания, и не только краеведческие, но и более глубокие, объединяемые в особую научную дисциплину — экологию культуры» [8: с. 15–16].

Осмысление богатого литературного и эпистолярного наследия, оставленного Д.С. Лихачёвым, помогает нам пристальнее и с большим пониманием

взглянуть на проблемы взаимодействия природы и общества, открыть для себя новые знания, увидеть окружающее с непривычной многим точки зрения. «Экология культуры» как новое междисциплинарное научное направление, новая дисциплина, обоснованная выдающимся российским ученым XX века Д.С. Лихачёвым, обязательно должна занять достойное место в системе вузовского и школьного обучения.

Литература

1. *Веденин Ю.А.* Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия // Экология культуры. М.: Институт Наследия, 2000. С. 25–30.
2. *Лихачёв Д.С.* О русской природе // Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С. 505–511.
3. *Лихачёв Д.С.* Письма о добром. М. – СПб.: Logos, 2006. 315 с.
4. *Лихачёв Д.С.* Природа других стран // Письма о добром. М. – СПб.: Наука; Logos, 2006. С. 136–147.
5. *Лихачёв Д.С.* Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. 672 с.
6. *Лихачёв Д.С.* Русский Север // Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С. 570–571.
7. *Лихачёв Д.С.* Статьи о культуре России // Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. С. 9–28.
8. *Лихачёв Д.С.* Экология культуры // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1982. № 2. С. 10–16.
9. *Шульгин П.М.* Культурное наследие Российской Федерации: первый ежегодный государственный доклад // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 197–208.
10. *Шульгина Д.П.* Парк усадьбы Волынщина // Русская усадьба. 2002. Вып. 8 (24). С. 230–238.
11. *Шульгина Д.П.* Погибшие храмы Москвы (Церковь Успения на Покровке и Никола Большой Крест) // Научно-исследовательская работа студентов в условиях модернизации столичного образования: мат-лы I общегородской науч.-практ. конф. студентов (26 апреля 2002 г.). М.: МГПУ, 2002. С. 38–41

Literatura

1. *Vedenin Yu.A.* Formirovanie novogo kul'turno-e'kologicheskogo podxoda k soxraneniyu naslediya // E'kologiya kul'tury'. М.: Institut Naslediya, 2000. S. 25–30.
2. *Lixachyov D.S.* O russkoj prirode // Razdum'ya o Rossii. SPb.: Logos, 1999. S. 505–511.
3. *Lixachyov D.S.* Pis'ma o dobrom. М. – SPb.: Logos, 2006. 315 s.
4. *Lixachyov D.S.* Priroda drugix stran // Pis'ma o dobrom. М. – SPb.: Nauka; Logos, 2006. S. 136–147.
5. *Lixachyov D.S.* Razdum'ya o Rossii. SPb.: Logos, 1999. 672 s.
6. *Lixachyov D.S.* Russkij Sever // Razdum'ya o Rossii. SPb.: Logos, 1999. S. 570–571.
7. *Lixachyov D.S.* Stat'i o kul'ture Rossii // Razdum'ya o Rossii. SPb.: Logos, 1999. S. 9–28.
8. *Lixachyov D.S.* E'kologiya kul'tury' // Pamyatniki Otechestva. Al'manax Vserossijskogo obshhestva oxrany' pamyatnikov istorii i kul'tury'. М., 1982. № 2. S. 10–16.
9. *Shul'gin P.M.* Kul'turnoe nasledie Rossijskoj Federacii: pervy'j ezhegodny'j gosudarstvenny'j doklad // Rossiya i sovremenny'j mir. 2013. № 3. S. 197–208.

10. *Shul'gina D.P.* Park usad'by' Voly'nshhina // Russkaya usad'ba. 2002. Vy'p. 8 (24). S. 230–238.

11. *Shul'gina D.P.* Pogibshie xramy' Moskvy' (Cerkov' Uspeniya na Pokrovke i Nikola Bol'shoj Krest) // Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov v usloviyax modernizacii stolichnogo obrazovaniya: mat-ly' I obshhegorodskoj nauch.-prakt. konf. studentov (26 aprelya 2002 g.). M.: MGPU, 2002. S. 38–41.

*O.V. Shulgina,
D.P. Shulgina*

**Theoretical Basis for the Interaction of Nature and Society,
the “Ecology of Culture” in D.S. Likhachev’s Works**

The paper presents theoretical aspects of the interaction of nature and society, the concept of the “ecology of culture”, set forth in D.S. Likhachev’s works. The role of D.S. Likhachev’s scientific and educational activity in the development of local history and protection of cultural and natural heritage of Russia. Examples of negative consequences of violations of the principles of the ecology of culture are given.

Keywords: ecology of culture; interaction of nature and society; cultural and natural heritage; D.S. Likhachev’s works.